

П. А. СЛОВЦОВ

Поучение при случае торжества бракосочетания Его Высочества, Великого Князя Александра Павловича, с Елисаветою Алексеевною, Княжною Баденскою ¹

Паки стекаемся во храм соединить желания! Паки приемлем от Престола новый дар и новое утешение! Россы, благословляйте свою Монархиню! Благословляйте Высокую Чету!

Государя чувствительного, под рукой коего не считает народ своих вздохов, можно почитать именем премудрого; но еще не имеем благополучного. Редкий пользуется последним наименованием. Невзирая на его услуги, на его планы, оставленные в наследие, надо, чтобы он умел пережить свою кончину, чтоб умел царствовать из гроба над потомками. Я хочу сказать, чтоб из рук преемника не пал скипетр. Какие ибо находим обстоятельства благодарить Монархине, умножающей ее достояние? Какие радостные представляются прозрения в очах России? Все предзнаменует наше блаженство.

Но, забывая сии надежды и как бы самих себя, рассудим вообще о признаках народного счастья.

Тишина народная есть иногда молчание принужденное, продолжающееся дотоле, пока неудовольствия, постепенно раздражая общественное терпение, не прервут оно. Если не все граждане поставлены в одних и тех же законах; если в руках одной части захвачены преимущества, отличия и удовольствия, тогда как прочим оставлены труды, тяжесть законов или одни несчастья, то там спокойствие, которое считают залогом общего счастья, есть глубокий вздох, данный народу тяжким ударом. Правда, что спокойствие следует из повинове-

ния; но от повиновения до согласия столько же расстояния, сколько от невольника до гражданина. Еще прибавим, что целый народ искони не был ни в чем единодушен, разве в суеверии и заблуждениях политических. Итак, когда тишина служит чаще знаком притеснения, что значат таковые Монархии? Это — великие гробницы, замыкающие в себе несчастные стелящиеся трупы, и троны их — пышные надгробия, тяжко гнетущие оные гробницы. Народы злополучные!²

Но почто бы, собравшись к подножию Престола, не молить им почивающего там божества? Почто бы, повергнувшись там, не лежать, доколе их оракул не отдаст просимого ответа? И почто бы с их жалобами не смешать горестных слез? Но Монархии их не плачут... Блажен ибо, кто живет под скипетром отеческим, блаженны Россы!

Греметь победами в чужих странах или стеснять власть народов дале славы их и расширить славу свою дале властей своей всегда почитается путем к счастью народному. Но все! Хотя сия замена усладительна любочестию народа торжествующего, но она столько же далека, чтоб предзнаменовать возвышение сему, сколь близко сопряжена с падением другого. Могущество Монархии есть коварное орудие, истощающее оную, и можно утверждать, что самая величественная для нее эпоха всегда бывает роковой годиною... Рим гордый, Рим, воспитанный кровью целых народов, готовился уже раздавить почти вселенную, но что же? Оплачем надменную его политику: он низпал под собственной тягостью в то время, как наиболее дышал силой и страхом. Есть меры, дале которых не дерзает преступить счастье народов. И к чему толикая слава, когда, с умножением оная, возрастали на него злоба и мщение? К чему трофеи, когда омочены они слезами народов? К чему короны, сорванные с неприкосновенных глав? К чему они? Но что вопрошаем причины, где честолюбие коварствует? Здесь должна была излиться вся желчь против ненавистного орудия, но подвиги почтенных героев ожидают благодарного голоса.

Не заключайте, чтобы Церковь роптала противу сих покровителей отечества. Нет! Она окровавленным их теням приносит жертвы курения и чтит воинский меч, как спасения орудия. Зная, что воин есть вкупе гражданин, она заповедует токмо сие, чтоб герой, усыпленный под гордыми лаврами, не презрел должности; чтоб, при его величии и украшениях, не вменил в обиду прославлять Веру Христианскую: обыкновенное у нас величие, чтоб, возвысаясь по одной линии к славе, по другой — упасть обратно.

Коль кратко твердили, что Вера решит судьбу Государства! Коль кратко обещали свыше благословение на тех, коих душа была душа Евангельская! Но, «Господи, кто верова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся»? (Ис. XLIX, 2). Может быть, это одна несчастная истина, которой важность наиболее проповедана и которой слухом наименее тронуты. Так и быть!.. Видно, бедному созданию определено скитаться во мраке... Да!.. Вольнодумец хвалится быть наилучшим подданным, выставляет свою любовь к отечеству и верность к Государю. Но вольнодумец — человек: так чем запечатлеет оные чувства, часто сомнительные? Носит ли он в сердце своем залогом Христианства? Блюдет ли клятву, сие свидетельство от Веры? Простим сему, поддельвающемуся патриоту, и поставим на место его Христианина. Сей, научен высоким и благоговейным мыслям о властях, лучше всех знает счастливую науку повиноваться. Вместо того чтоб назначать себя между народом и Государем, он назначает Государя между народом и Божеством. Закон верховный для сего есть слово Вышнего, издревле вещающего при алтарях Монарших. Его особенность есть особенность отечества, и жизнь его есть дань Престолу. Монархи, познайте вашего подданного во Христианине!

Но не утаим здесь, как без примечания его обходить при обстоятельствах предпочтения; как оставляют его, когда должно призывать на степени и достоинства! Таковые противоречия, конечно, жестоки. Пускай уверяют, что добродетель не остается без награждения; пускай ласкают добродетели, но что в том пользы, когда добродетельному осталось только вздыхать.

